

На одежде виднелись пятна давно засохшей крови. Кроме кистей рук, которые остались целы, всё тело было покрыто мелкими ссадинами. На изящной лодыжке зияла рана, кровь из которой стекала прямо на пол, но он, казалось, не чувствовал боли — сидел неподвижно, позволяя ей течь.

Цзи Личэн нащупала во внутреннем кармане своей одежды бумажный платок, достала его и осторожно прижала к ране, чтобы остановить кровотечение.

Внезапно её руку перехватили. Цзи Личэн моргнула. Это была рука с длинными, чётко очерченными пальцами — такая же красивая, как у киберспортсмена, как у её Птички.

Словно почувствовав чей-то взгляд, она подняла голову и увидела человека, которого меньше всего ожидала встретить в этом месте и в это время.

Перед ней стоял Вэнь Хэли. Лицо бледное, измождённое. Казалось, прошло не несколько дней, а месяцы или даже годы. Он сильно изменился: взгляд пустой, под глазами залегли густые тёмно-фиолетовые тени. Губы пересохли и потрескались от сильного обезвоживания, а вокруг рта пробивалась редкая, неопрятная щетина.

Как, как он дошёл до такого состояния?

Сердце Цзи Личэн сжалось от боли.

— Птичка... ты ещё жив? — она коснулась его щеки, голос её дрогнул.

— Жив... — голос Вэнь Хэли звучал хрипло. — Ты всё ещё... хочешь воспользоваться моментом?

Цзи Личэн невольно усмехнулась.

— Птичка, как ты здесь оказался?

— Кхм... а ты... почему здесь?

— Меня прислал отец, — ответила она.

— И меня тоже, — Вэнь Хэли сжал кулак и закашлялся. — Кхм, только меня прислали... родители.

— Значит, мы действительно из одного мира, с одним и тем же отцом? — Цзи Личэн вымученно улыбнулась.

Она села рядом с ним. Тревога и беспокойство, которые терзали её с момента прибытия, внезапно утихли. Раньше её спокойствие было лишь маской, теперь же оно стало настоящим. Она тихонько хихикнула — удивительное дело.

— Ты можешь улыбаться, даже попав в такое место? Недооценил я тебя, — сказал Вэнь Хэли.

— А? — она не заметила, как мысли превратились в звук. — Ну, раз уж попали, надо как-то приспособливаться. Птичка, сколько ты здесь? А эти раны...

— Дня три или четыре... — он спрятал лицо в коленях, голос звучал глухо.

— Это они тебя так?

— Что-то они, что-то я сам...

— Разве в темную комнату сажают только новичков?

— Тех, кто провинился, тоже запирают.

— И за что тебя сюда? — снова спросила она.

— За то, что... — Вэнь Хэли говорил равнодушно, — я пытался покончить с собой.

Под ошеломлённым взглядом Цзи Личэн он продолжил, глядя в пустоту:

— Я наглотался зубной пасты. Половину тюбика. Не вышло, вот они и заперли меня здесь.

— Ты, должно быть, думаешь... что я слабак, — Вэнь Хэли криво усмехнулся, его голос охрип.

— Нет... я так не думаю... я просто... — Цзи Личэн машинально схватила его за запястье, где виднелась короткая, но глубокая рана. — Я просто... сочувствую тебе.

— Всё ещё болит? — голос девушки был мягким и нежным. Она бережно держала его за руку, боясь задеть поврежденное место.

— Не чувствую.

Цзи Личэн ласково зашептала, словно баюкая ребенка:

— Улетай, боль, улетай...

Ей было невыносимо жалко этого парня. Всего несколько дней — и он стал таким изможденным. Она не считала мысли о самоубийстве проявлением слабости; напротив, она находила это смелым поступком.

До того, как в шесть лет она встретила свою маму, мир казался ей серым и бессмысленным. Она бесчисленное количество раз стояла у окна четвертого этажа приюта, глядя вниз, но так и не решилась прыгнуть. А после встречи с Шэнь Жоу она стала бояться смерти ещё больше. Она поняла, насколько хрупка человеческая жизнь, и начала беречь себя. С тех пор мысли о самоубийстве навсегда покинули её голову.

Девушка надула щеки и принялась дуть на его рану. Прохладный воздух приносил облегчение.

Когда Цзи Личэн почувствовала, что сама начинает задыхаться, на её руку упала капля. За ней вторая, третья.

— Птичка, ты что, протекаешь? — она резко подняла голову и широко раскрыла глаза.

Это была не протечка потолка. Вэнь Хэли плакал.

У парня покраснели уголки глаз, ресницы подрагивали. Вблизи она видела, как на его длинных, похожих на птичьи перья ресницах повисли прозрачные, словно жемчужины, слезы.

Он всхлипнул, и голос его стал ещё надтреснутее:

— Твои слова про боль... моя бабушка тоже мне так говорила. Я скучаю по ней.

Последние слова прозвучали по-детски, как мольба о ласке.

— Тише, вот выйдем отсюда, и навестишь бабушку, — Цзи Личэн погладила его по голове.

— Не... не смогу.

— Почему же? Ничто, кроме смерти, не может помешать нам встретиться с теми, кого мы любим. Мы обязательно выберемся. Я пойду с тобой, я тоже соскучилась по ней.

Вэнь Хэли закрыл лицо руками и снова уткнулся в колени. Плечи его мелко дрожали, слезы пропитывали ладони.

— Больше никогда не увижу... Бабушка умерла... Цзи Личэн, у меня больше нет бабушки... — он поднял голову, его глаза были красными, а голос едва слышным. — У меня больше нет бабушки... Больше никто не будет меня жалеть. У меня не осталось родных.

Цзи Личэн поднялась и крепко обняла его.

— Я здесь... я рядом...

Она мягко похлопала его по спине, утешая, как маленького. Она шмыгнула носом — стоило ей услышать про бабушку, как слезы сами покатались из глаз. Но больше всего ей было жаль его.

Вэнь Хэли прижался к ней, словно к последнему спасательному кругу. Он положил голову ей на плечо и закрыл глаза, позволяя слезам впитываться в её одежду.

Двое подростков, в этой темной, сырой и душной комнате, крепко обнимали друг друга. Это было объятие, лишённое всяких желаний — теплое и дарящее силы. В этой крошечной тьме они видели только друг друга. В этом объятии они словно нашли свет и спасение.

Когда Цзи Личэн проснулась, в горле першило от сухости, а тело ныло от неудобной позы. Она не знала, сколько они проплакали, обнявшись, но судя по боли в горле — довольно долго. Должно быть, так и уснула, рыдая.

Она лежала на единственном мягком предмете — прямоугольном коврикe, который здесь заменял кровать. Вэнь Хэли сидел у стены, вытянув длинные ноги, и всё ещё спал, прислонившись головой к холодной поверхности.

Цзи Личэн на цыпочках подошла к нему и присела на корточки. Вэнь Хэли был высоким, даже сидя он был выше неё.

Даже во сне его брови были нахмурены. Ресницы слиплись от слез. Она заметила капельку на его щеке — неужели он плакал даже во сне?

Она потянулась пальцем, чтобы стереть слезу, но Вэнь Хэли внезапно открыл глаза.

— Ты!..

Она ловко смахнула влагу с его щеки и, моргнув, с гордостью показала ему свой палец.

— Я вытерла тебе слезы. Доброе утро, Птичка.

— М-м, утро, — ответил он.

— Как спалось?

— Нормально...

Он не лгал. После смерти бабушки он страдал бессонницей, а здесь, хоть и было неудобно, он впервые за долгое время забылся сном.

— Коврик такой большой, почему бы тебе не лечь со мной, вместо того чтобы спать у этой грязной стены? — спросила она.

Вэнь Хэли покраснел и упрямо ответил:

— Так нельзя... Моя бабушка говорила... мужчина и женщина не должны касаться друг друга.

Он вспомнил, как в прошлый раз она спала у него на спине, и её манера сна не вызвала доверия.

— Времена не те, чтобы об этом думать, — назидательно сказала Цзи Личэн. — Нам нужно хорошо есть и спать, чтобы набраться сил для побега. Кстати, чем нас тут кормят?

— Скоро должны принести завтрак...

Не успел он договорить, как дверь распахнулась. Цзи Личэн зажмурилась: после темноты яркий свет больно ударил по глазам.

— Эй, вот ваша еда. Если оставите хоть крошку — последствия знаете.

С этими словами надзиратель бросил на пол два паровых хлебца и две миски жидкой каши, после чего захлопнул дверь. Булки упали в миски с остатками пищи, половина каши расплескалась.

— Легко на помине. Птичка, иди есть, — Цзи Личэн подняла хлебцы и протянула один ему. — Но это же всего одна булка и миска каши. Как тут можно что-то оставить?

— Ты думаешь, завтрак — это только булка и каша?

— Неужели обед и ужин такие же? Не может быть всё так плохо.

— Один прием пищи в день. Одна булка, одна миска каши.

Цзи Личэн не поверила своим ушам.

— Что?!

Вэнь Хэли терпеливо повторил. Она, будучи фанаткой еды, которая не могла пропустить ни одного приема пищи, была в шоке. Даже в Море монстров было не так паршиво.

— От одной булки в день можно же умереть с голоду!

— В этой комнате так и кормят. Говорят, провинившимся и новичкам на «очищении» много еды не нужно, — объяснил он. — Новичков запирают на три дня, за это время без воды и еды никто не умрет.

— Значит, ты вышел на третий день и тебя снова заперли?

— Угу... Вечером в общежитии... когда чистил зубы, проглотил пасту. Отправили в медпункт, но врач сказал, что паста не ядовита, и меня вернули обратно.

Цзи Личэн не стала спрашивать, откуда он знает, что за три дня без еды не умирают — интуиция подсказывала, что он проверял это сам. Смерть бабушки подкосила его слишком сильно.

Они очистили хлебцы от засохшей корки и съели их с кашей. Цзи Личэн пила маленькими глотками — она не хотела лишний раз пользоваться туалетом в этом месте. Никогда бы не подумала, что будет так ценить обычную кашу.

Время тянулось невыносимо медленно. Без телефона, без солнца, она не знала, день сейчас или ночь.

— Мою резинку для волос, которую подарила бабушка, не забрали. Я просто нацепила её на волосы, когда они пытались её отобрать, — рассказывала она, чтобы скоротать время. — Они хотели что-то сказать, но я заявила, что распущенные волосы — это неуважение к школе, и они заткнулись, ха-ха.

— А мой амулет-обезьянку забрали. Я слишком слаб, не смог его защитить, — уныло сказал Вэнь Хэли.

— Да те трое — просто гора мышц без мозгов. Естественно, ты их не побил, ты же хрупкий. Они подлые, берут числом. Один на один ты бы их точно уложил.

Цзи Личэн сняла резинку и, распустив волосы, надела её на запястье Вэнь Хэли.

— Вот, теперь это твой защитный талисман, — она улыбнулась, обнажив клыки. — С этого момента тебе будет сопутствовать удача.

Вэнь Хэли завороженно смотрел на неё. Девушка сияла, и в этот момент лучик света, пробившийся сквозь щель, словно освещал её саму. Она должна была сиять.

Он посмотрел на резинку. Это был не просто подарок — теперь она обрела новый смысл.

Этой ночью они спали на коврике вместе. Вэнь Хэли долго сопротивлялся, но сдался под её бесконечную болтовню.

Во сне Цзи Личэн постоянно перекатывалась к нему, обнимая, как плюшевого мишку. Он пытался отодвинуть её руку и ногу, но она тут же возвращала их на место. В конце концов, он сдался.

Этой ночью они оба спали крепко.

«Бах!» — дверь распахнулась с грохотом, разбудив их.

На пороге стоял инструктор:

— Ты, тот, что ел зубную пасту — выходи.

Когда Вэнь Хэли увели, Цзи Личэн осталась одна. Она коротала время, придумывая в голове бесконечные истории с разными концовками, пока наконец не настал третий день.

Женщина с неприятным лицом отвела её в комнату, бросила комплект одежды и туалетные принадлежности.

— Здесь переодеваться? — спросила она.

— А где же еще? Все свои, чего стесняешься?

— Э-э, не могли бы вы отвернуться? Я немного стесняюсь, — Цзи Личэн притворилась

смущенной.

— Столько возни. Быстрее давай.

Женщина отвернулась. Цзи Личэн заметила на столе маленький красный огонек камеры, спрятанный среди вещей, и быстро накрыла его курткой.

Она переоделась в два счета. Женщина уже хотела было прикрикнуть на неё за медлительность, но обернулась и увидела, что та уже стоит с тазиком в руках.

Женщина смущенно кашлянула:

— Твою старую одежду нужно сдать. Вернем, когда поедешь домой. В школе — только форма. Если увидим, что ты перешила её или нарисовала что-то — ждет наказание бамбуковой розгой и неделя в темной комнате.

Девушка слегка задрожала, услышав про темную комнату, и её глаза покраснели.

— Поняла... Я очень люблю эту одежду... Темная комната такая страшная... Я не хочу туда больше...

Женщина осталась довольна её испугом.

— Будешь слушаться — не попадешь. Иди в 404-ю комнату.

Девушка робко кивнула:

— А как вас зовут?

Женщина удивилась:

— Зови меня учитель Ван, я ваш воспитатель.

Цзи Личэн слабо улыбнулась:

— До свидания, учитель Ван.

Когда она ушла, Ван Ин ещё долго стояла в недоумении. Обычно девчонки смотрели на неё как на врага народа, а эта... улыбалась. Ну что ж, трусихой управлять легче. Она посмотрела на камеру, готовясь доложить директору о «успешной работе».

— Кабинет директора.

Ван Ин постучала.

— Входи.

Директор сидел перед компьютером, хищно улыбаясь.

— Директор, новенькая очень красивая, как раз в вашем вкусе, — пролебезила Ван Ин.

— Новенькая? — он ударил по столу. — Ты еще имеешь наглость говорить о ней? Твоя камера в той комнате отключилась, я ничего не видел!

— Не может быть, я же проверяла...

— Ничего, — директор снова уставился в экран, где крутилось видео с другой девушкой, — у неё оплачен год обучения, времени много, еще насмотрюсь.

В коридоре было полно студентов в синей полосатой форме. Цзи Личэн поймала одного из них и спросила, где женское общежитие. Парень был миловидным, с тонкими чертами лица.

— Ты новенькая? — спросил он.

Она кивнула.

— Скоро собрание, лучше поторопись, опоздавших ждет суровое наказание, — предупредил он и исчез.

Цзи Личэн огляделась: обшарпанные стены, мигающие лампы — точь-в-точь декорации к дешевому фильму ужасов. Она нашла 404-ю комнату и вошла. Шесть девушек уставились на неё в упор.

<http://bllate.org/book/20940/2122912>